

ГРАНДМАСТЕР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРИЛЛЕРА

ГРАНД МАСТЕР

книги для искушенного читателя

**Издательство «ГрандМастер» входит
в холдинг «Эксмо» и самостоятельно
определяет редакционную политику.**

Мы издаем лучшую остросюжетную, историческую, общественно-политическую литературу и биографические очерки, а также интеллектуальную публицистику. Эти книги адресованы преимущественно мужской аудитории — тем, кто хочет получить от чтения яркие эмоции, актуальные темы, новые знания, правдивость и достоверность. Это не значит, что прекрасной половине человечества запрещен вход на территорию издательства «ГрандМастер», — читательницы познакомятся здесь с яркими, харизматичными героями, такими, которых принято называть «настоящими мужчинами».

**В ближайшее время вас ждут новинки
в других сериях издательства «ГрандМастер»**

Долгожданное продолжение культовой серии Ли Чайлда о Джеке Ричере – абсолютная новинка.

Роман из серии о Рое Грейсе от одного из лидеров мирового детектива, британца Питера Джеймса.

ДОТ
ХАТЧИСОН

ДЕТИ
—
ЛЕТА

ГРАНД МАСТЕР

Москва
2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
X25

Dot Hutchison
THE SUMMER CHILDREN

Text copyright © 2018 by Dot Hutchison. All rights reserved. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Оформление серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на переплете *Филиппа Барбьшиева*

Хатчисон, Дот.

X25 Дети лета / Дот Хатчисон ; [пер. с англ. М. Ю. Юркан]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-097220-3

Продолжение серии «Коллекционер», начавшейся с бестселлера «Сад бабочек». Этот роман буквально взорвал рейтинги «Амазона», поставив его автора в один ряд с такими мастерами жанра, как Томас Харрис, Джон Фаулз и Дэвид Болдаччи.

Агент ФБР Мерседес Рамирес начала получать «живые» посылки. Время от времени она обнаруживает на своем собственном крыльце детишек — насмерть перепуганных, измазанных чужой кровью и с плюшевыми медвежатами в руках. Все они как один твердят, что сюда их привез Ангел. Привез со словами, что теперь с ними все будет хорошо и тетя Мерседес позаботится о них. Но сначала Ангел убил их родителей...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Юркан М.Ю., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097220-3

*Посвящается К. ван Вик
Смотрите! У нас получилось!*

Жила-была некогда девочка, которая боялась темноты.

Хотя даже сама она понимала, как это глупо. В темноте таятся те же самые мучения, какие бывают и на свету. Просто трудно увидеть ту боль, что она скрывает.

Поэтому, вероятно, девочка ненавидела ослепление и беспомощность.

Извечную беспомощность.

Но разве в темноте скрывается больше опасностей? Все становятся более искренними, когда их никто не видит.

При свете дня ее мама могла лишь печально вздыхать и всхлипывать, смахивая слезы, но во мраке ночи ее рыдания могли обрести свой голос, вылететь из спальни, разнестись сквозняком по домашним закоулкам, и тогда ее стенания могли бы услышать все. Порой вслед за ними слышались крики, однако даже в темноте ее мама редко осмеливалась дать волю чувствам.

А ее папа...

При свете дня ее папа обычно выражал сожаления, всегда извинялся перед ней и ее мамой.

Прости, детка, я сделал это невольно.

Прости, детка, я потерял самообладание.

Погляди, детка, до чего ты довела меня, прости.

Прости, детка, но это ради твоего собственного блага.

О каждом щипке и шлепке, каждой пощечине и затрещине, о любых проклятиях и оскорблениях, о всем этом он неизменно сожалел. Но сожалел только при свете дня.

В ночной тьме папа бывал полностью откровенен с собой.

Поэтому, возможно, она была вовсе не глупа, поскольку разве не гораздо разумнее бояться тайных откровений? Если вы боитесь чего-то при свете дня, разве не гораздо разумнее бояться этого во мраке ночи?

Движение на дорогах, выходящих из округа Колумбия, редко бывает спокойным, но в четверг, жарким летом вскоре после полуночи движение на 66-й федеральной трассе едва ли сочли бы оживленным, особенно после Шантильи. Сидя рядом со мной, Шиван удовлетворенно щебечет о вечере, проведенном нами в джазовом клубе, о том, какой же замечательной оказалась певица, которую мы приехали послушать, но я лишь кивала и поддакивала в паузах ее монолога. Мне не особенно нравится джаз — я предпочитаю скорее более строгие композиции, — а вот Шиван обожает джазовые импровизации, и я запланировала этот вечер отчасти в качестве извинения за то, что мне пришлось из-за работы пропустить уже несколько наших заранее оговоренных встреч. Матери — из моего прошлого набора приемных родителей — обычно говорили мне, что поддержание отношений требует осознанных усилий. Хотя тогда я еще не осознавала, насколько велики могут быть подразумеваемые ими усилия.

Работа не позволяла мне иметь обычный вечерний отдых, но тем не менее я пыталась выкроить время. Шиван — тоже агент ФБР и теоретически должна бы понимать наши вынужденные ограничения, однако, будучи переводчиком в отделе борьбы с терроризмом, она присутствовала на службе с понедельника по пят-

ницу, с восьми до половины пятого, и не всегда вспоминала, что моя работа в подразделении, занимающемся расследованием преступлений против детей, имеет совершенно другие особенности. Прошедшие полгода мы жили в жуткой запарке, но я могу спокойно высидеть целый вечер на концерте ради того, чтобы порадовать подругу.

Непрерывный поток ее болтовни переключился на работу, и мои поддакивания стали чуть более рассеянными. Мы постоянно говорили о ее работе — не о подробностях переводов, а лишь о коллегах, об окончании каких-то дел того рода, что не могли вызвать внутренние расследования об утечке информации, однако никогда не говорили о моих делах. Шиван не хотелось слышать о тех ужасах, которые взрослые люди творят с детьми, или о мерзавцах, способных на такие ужасные преступления. Я могла бы поговорить и о моей группе, о шефе нашего подразделения и о его семье, но Шиван нервничает, даже слушая истории тех приколов, которые мы с коллегами устраиваем друг другу, поскольку невольно представляет при этом, какие жуткие папки хранятся в наших рабочих столах.

После трех лет нашего общения я привыкла к такому неравенству, но неизменно помню о нем.

— Мерседес!

От ее неожиданного вопля мои руки вцепились в руль, а взгляд скакнул по окружавшей нас темной дороге, но благодаря отличной выучке я продолжала спокойно ехать дальше.

— В чем дело? Что случилось?

— Так ты все-таки слушаешь? — с кривой усмешкой спросила она уже нормальным голосом.

Может, я и не слушала, но не собиралась в этом признаваться.

— Ваши боссы — невежественные придурки, не способные отличить пушту от фарси, даже если б от этого зависели их жизни; и им нужно перестать доставать тебя — или пусть сами учат экзотические иранские языки.

— Я жалуюсь на них слишком часто, поэтому твоя гипотеза весьма вероятна.

— Я ошиблась?

— Нет, но это еще не значит, что ты меня слушала.

— Прости, — вздохнула я, — у меня был длинный день, я рано встала и, видимо, порядком вымоталась.

— И почему же нам пришлось рано встать?

— Утром пришлось тащиться на семинар.

— Ох. Тебе и Эддисону, естественно; кому же еще, как не тебе и Эддисону...

Можно и так сказать. Причем вполне корректно.

Ведь очевидно, что неуместно, когда ваш коллега или непосредственный начальник группы после специфического рапорта просит не советовать ему зажимать в тиски собственные яйца. И определенно неуместно, когда ваш коллега или начальник группы автоматически парирует: «*Hermana*¹, не тряси буферами». И особенно неуместно, если этот обмен дурацкими любезностями услышал проходящий мимо начальник отдела.

Честно говоря, не знаю, кто потом громче смеялся над этим: Стерлинг, наша младшая коллега, бывшая свидетельницей той сцены и быстро нырнувшая за спасительную перегородку, чтобы скрыть свои смешки, или Вик, наш бывший коллега и начальник группы, а теперь шеф подразделения, оказавшийся рядом с начальником отдела и на голубом глазу уверявший его, что это был единичный случай.

Трудно сказать, поверил ли ему шеф отдела, но меня и Эддисона направили на очередной кварталальный се-

¹ Сестра (исп.).

минар по сексуальным домогательствам. Опять. Я имею в виду, что нам, видимо, далеко до агента Андерсона — чья фамилия уже запечатлена на спинке одного из стульев, — успевшего узнать по именам весь перечень семинарских преподавателей, хотя мы двое тоже там примелькались.

— А остался ли еще тихий уголок, где вы двое можете безопасно встречаться? — спросила Шиван.

— Несколько, — подавив смешок, ответила я. — И, по крайней мере, подозреваю, что есть одно местечко, где скрытое сексуальное напряжение наконец переполнит нас.

— То есть после одного из тех свиданий мне следует ждать письменного извинения за его переполнение?

— Думаю, я просто позволю себе слегка прополоскать рот после выплеска эмоций.

Рассмеявшись, подруга вытащила заколки из своих рыжих волос, выпустив на волю буйную кудрявую шевелюру.

— Если ты собираешься вставать раньше обычного, то тебе придется сейчас забросить меня обратно в Фэрфакс.

— А как ты доберешься до работы? Мы же уехали на моей машине прямо из конторы.

— Ох, верно... Но вопрос остается.

— Я бы предпочла, чтобы ты осталась у меня на ночь, — сказала я, убрав с руля одну руку и дернув один из ее локонов, — если ты не намерена сразу завалиться спать.

— Я люблю спать, — сухо ответила Шиван, — стараюсь выспаться еженощно, по возможности.

Я ответила с достоинством зрелости: высунула язык. Она опять рассмеялась и отбросила мою руку.

Мой дом находится в штате Вирджиния, в тихом предместье Вашингтона, на окраине городка Манассас,

примерно в часе езды на юго-запад от округа Колумбия, и как только мы свернули с федеральной автострады, то через несколько минут практически оказались единственной машиной на дороге. Когда мы проезжали район Вика, Шиван выпрямилась, приняв более строгую позу.

— Я говорила тебе, что Марлен предложила сделать к моему дню рождения малиновый бисквит со сливками?

— Она же сделала то предложение при мне.

— Малиновый бисквит от Марлен Хановериан, — мечтательно произнесла она. — Я могла бы жениться на ней, если б у нее появилась наша склонность.

— И если б она не родилась больше чем на полвека раньше тебя?

— Это полувековое старшинство научило ее делать лучшие в мире и чертовски вкусные фисташковые трубочки... Меня великолепно устроит громадная выгода этих лишних десятилетий.

Я свернула на свою улицу. В большинстве домов, учтивая позднее время, уже погасили свет. В нашем квартале прикупали первые собственные дома молодые специалисты и доживали свой век пенсионеры и пожилые родители, чьи дети давно вылетели из гнезда. Больше всего эти дома напоминали коттеджи — правда, маленькие, из одной или двух комнат, — и стояли они посреди приличных размеров, цветущих газонов. Хоть убей, но мне никак не удастся разводить цветочки — в квартире Шиван мне запрещено даже дотрагиваться до многочисленных растений, — однако мой сосед Джейсон ухаживает за моим газоном и общим садиком, соединяющим наши дома, в обмен на мою ему помощь в стирке и починке белья. Он милый старикан, еще очень деятельный и слегка одинокий с тех пор, как умерла его жена, и нам обоим, по-моему, нравится такой соседский обмен услугами.

Подъездная дорога, проходя до задней стены дома с левой его стороны, полностью вмещала мой автомобиль, и, выключая двигатель, я машинально проверяла, в порядке ли раздвижная стеклянная дверь заднего крыльца. Этот явный показатель личной мании преследования, связанной с работой, воспринимался как подходящая цена в лучшие дни, когда нам удавалось спасти малышей и в целости доставить их домой.

Все выглядело нормально, поэтому я открыла дверцу машины. Шиван, прихватив наши дорожные сумки с заднего сиденья и повесив их на плечо, первой направилась по дуговой дорожке к переднему крыльцу.

— Как ты думаешь, Вик принесет завтра что-нибудь вкусненькое от своей матери?

— Уже сегодня? Вероятность велика.

— М-м-м... меня вполне устроило бы нечто в датском стиле. Или — ах! — те круглые слойки с ягодно-сливочной начинкой...

— Знаешь, ей посоветовали научить тебя их готовить.

— Но у Марлен выпечка получается гораздо лучше. — Шиван миновала датчик движения и, когда на крыльце загорелся свет, с усмешкой оглянулась на меня. — Кроме того, они не выживут, если я буду печь их, пытаясь выступить в роли кулинара, поскольку я слюпаю все до того... О боже!

Я выпустила сумочку, и чисто машинально в моей руке тут же оказался пистолет, а палец прижался к предохранителю спускового крючка. Яркий свет, заливший крыльцо, озарил сидевшую там на качелях, колеблющуюся тень. Направив к земле дуло пистолета, я медленно обошла Шиван — и через крыльцовые перила картина предстала передо мной менее загадочной. Когда мои глаза наконец оценили ситуацию, я чертыхнулась, едва не выронив пистолет.

*Madre de Dios*¹, на моем крыльце сидел покрытый кровью ребенок.

Внутренний голос требовал: «Беги к этому ребенку, возьми его или ее на руки и защити от этого мира, проверь, не ранен ли он». Выучка требовала: «Осторожней, оцени обстановку; нельзя уничтожить улики, которые могут помочь найти сделавшего это придурка». Иногда хорошему агенту приходится выглядеть бессердечным человеком, и трудно убедить себя в иных мотивах.

Выучка, однако, взяла верх. Как обычно.

— Ты ранен? — спросила я, шагнув вперед. — Ты здесь один?

Ребенок поднял голову; лицо его представляло ужасающую маску, испачканную кровью, слезами и соплями. Он шмыгнул носом, его плечики задрожали.

— Тебя зовут Мерседес?

Он знает мое имя. Он сидит на моем крыльце и знает мое имя. Откуда?

— Ты ранен? — опять спросила я, пытаясь сообразить, как вести себя дальше.

Ребенок просто глянул на меня огромными испуганными глазами. Он — почти наверняка мальчик, хотя пока окончательный вывод делать преждевременно — съежился, прижимая что-то к груди; одет в пижаму, большую синюю футболку и полосатые хлопковые штаны, все густо забрызгано кровью. Малыш слегка выпрямился, и когда я подошла ближе, поднявшись по трем ступенькам крыльца, мне удалось разглядеть его сокровище. Плюшевый мишка, белый там, где кровь не впиталась рыжей ржавчиной в его мех, с носиком в форме сердечка, помятыми золотыми крылышками и нимбом над головой.

Боже праведный...

¹ Матерь Божья (*исп.*).